меня называли эсэсовкой

Рената Литвинова — стилистический маяк современной столичной жизни. О своем ощущении неуловимой грани между вкусом и безвкусием Рената Литвинова рассказала корреспонденту gzt Лидии Шаминой.

Рената Литвинова рассказала корреспонденту дет Лидии Шаминой. Гурга — 2003 — 15 авг. — С. 16—19,

TERETORD!

Вы — невероятно стильная женщина. Кто формировал ваш вкус? Ко-

нечно, моя мама. С самого детства она шила мне платья. Помню, за ночь она могла сшить наряд, и, проснувшись утром, я находила его торжественно выглаженным на спинке стула. Такой мамин подвиг... Мы были крайне стеснены в средствах, но лично я очень поздно вообще стала обращать внимание на одежду и как-то страдать на этот счет. Все эти социальные моменты неравенства, что кто-то одет лучше, а это тогда значило, что в заграничное... Ну, например, на выпускной вечер мама мне перешила старое, еще бабушкино, шифоновое платье, такое прозрачное. И еще — у меня не было туфель. Тогда мы взяли тоже старые мамины туфли, дикой элегантности начала шестидесятых годов на шпильке. Я только срезала длиннющий узкий носок. Отхватила ножницами! Уже тогда я что-то такое наверчивала. Мне не нравились современные платья. В принципе я недалеко ушла от той десятиклассницы, только тогда у меня не было совсем денег, что тоже важно в погоне за красотой. Внеш-

Вы сказали, что были бедны. Как же вам удавалось быть модницей? Нехватка средств делает тебе рамки, что тоже иногда полезно. Ну не было у меня денег. Я надевала черный свитер, черную юбку и высокий каблук. Это и сейчас моя любимая одежда. Везде покупаю эти черные свитера и узкие юбки. Волосы, они должны быть чистыми. Еще все эти «самые главные моменты» сумочки и туфли. Помню, я купила просто кожаную мужскую папку и отрезала от нее какой-то ремень сбокуполучилась такая узкая элегантная сумка. Рустам Хамдамов (вот кто настоящий гений стилист помимо того, что он гений художник, и режиссер, и рассказчик и прочее, прочее), глядя на какую-то мою сумочку из змеиной кожи, сказал: «У вас может быть ошибка в лице, но не должно быть ошибки с сумкой». Сумку эту я срочно кому-то подарила. Короче, во ВГИКе я носила такие униформы - то черный свитер, то белую мужскую рубашку с черной юбкой, мне говорили, что за такой стиль меня называют «эсэсовкой». На первом курсе мама мне сшила последнее платье - такое узкое-узкое и обтягивающее, как из фильмов Антониони шестидесятых годов. Тогда я носила челку и подводила глаза стрелкой, от этого они делались еще более татарскими. Мне до сих пор нравится этот образ. Я обязательно его где-то использую в каком-то из своих фильмов. Вообще настоящий великий стиль, он закончился именно в шестидесятые. До этого в моде один великий стиль сменял другой. В семидесятые началось уродство — забавное, талантливое у талантливых, но уже что-то грязное, сверкучее, нестройное, нелепое, впрочем, как и само то время. Сейчас идут поиски скорее в качестве, в материале, но линии же давно найдены.

А доставать вещи у спекулянток, например, вам не приходилось? Все эти вещи были такими страшными! Они были неразрывны с «продавщицами», они подходили им, но не мне! Казалось, что они сначала сами это поносили, потом постирали, подшили и пытаются избавиться от этих нарядов. Только один раз я купила сапоги у какой-то женщины возле Большого театра— начиналась зима и мне нечего было носить. Но сапоги сшил какой-то кооператив. Это был 1986 год.

Есть два типа модниц: мало вещей, но стильных. И вещей много — и тоже очень стильных. Вы кто? Сначала у меня было мало вещей. Теперь больше, но все они одни и те же — черные свитера и черные юбки. Туфли я тоже покупаю на высоком каблуке. Я не знаю, что такое «низкий ход». Тем более сейчас, когда я на машине, не пешком.

А если бы вам сейчас пришлось остаться без машины — растерялись бы? Надо быть готовым ко всему. Деньги, их присоединение к человеку - почти магическая тема. Я наблюдала, как за короткий период разорялись богатейшие люди, впадали в безумие и неадекватность, казалось бы, умнейшие. Большие деньги чаще заработаны за счет кого-то, за счет чужих страданий, крови... Наверное, это наказуемо. У нас в кино нельзя заработать много. Я имею в виду именно кино как искусство, не рекламу, не клипы, которыми зарабатывают некоторые режиссеры. Если ты занимаешься исключительно художественным кино, то зарабатываешь очень скромно. Было столько всяких историй с этими моими гонорарами за сценарии, столько обманов, в которых были замешаны известные персонажи, просто я поражаюсь, как же сейчас зарабатывают начинающие авторы! Сквозь каких монстров им приходится продираться и не отчаяться. Безденежье, бедность - реальность, через которую я прошла.

После ВГИКа бедность как-то прошла? Нет, что вы! Она только тогда началась! Когда ты — неизвестная сценаристка... На самом деле я уверена в помощи и внимании к каждому человеку его хранителей, светлых сил. Они пытаются помочь. Меня соединяло с бескорыстными и талантливыми людьми чаще, чем с противоположными. А плохой опыт я воспринимаю тоже как положительный. Если страдания не ломают человека, они делают его только сильнее, качественнее... Но, кстати, многие ломаются. Я вот, например, никогда бы не хотела сниматься как актриса. Даже в страшном

в номере:

стиль интервью

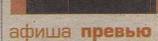
Рената Литвинова:

Я надевала черный свитер, черную юбку и высокий каблук. Это и сейчас моя любимая одежда. Везде покупаю эти черные свитера и узкие юбки. Волосы, они должны быть чистыми. Еще все эти «самые главные моменты» — сумочки и туфли.

Французская комедия «Кровавая Мэлори» о лихой красотке. Во главе батальона оригинальных спецназовцев, от трансвестита до заколдованной девочки, она сражается с мутантами, похитившими Папу Римского

Герою романа Джеффа Николсона «Бедлам в огне» приходится учить умалишенных писательскому ремеслу

Обращайте внимание на стенды «Последняя пара», там можно найти настоящие шедевры

Последние распродажи лета

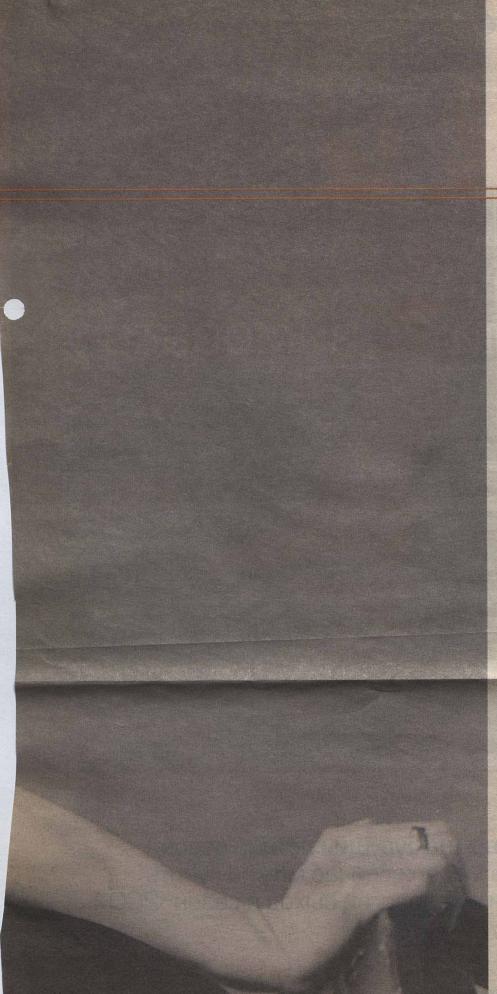

сне себе не представляла! Я считала себя нефотогеничной, зажатой и вообще... Какая-то определенная известность пришла ко мне сначала как к исполнительнице своих монологов в картине Киры Муратовой «Увлечения». Я поражаюсь, как Кира углядела во мне персонаж! Когда смотрела свои пробы, не узнавала себя — как я прыгнула в тот образ: я ведь сама придумала себе и грим, и платья, и походку, и манеру - вместе с текстами. Откуда из меня неслись такие потоки монологов о смерти и красоте, не могу объяснить, источники - они как будто не во мне. Поэтому-то я считаю, что дар, талант - это не человеческая заслуга. Человек всего лишь проводник.

Многие воспринимают вас как снобку, которой чужд демократизм. Вас это смущает или радует? Я вот что заметила. Зрителям всегда интереснее некая утрированность, завершенность, сделанность образа. Актер, однажды поймав свой абсолют, не должен его менять. Предавать. Наоборот, он должен его углублять и разрабатывать. А когда он меняется, как оборотень, сбрасывает маски, он движется по поверхности. За этим стоит пустота. Ты неуловим в своей неиндивидуальности. Можно ли себе представить, чтобы Жан Габен стал более хлопотливым, пытался быть нервным или каким-то другим? Или Дитрих вдруг забросила бы контроль над своим лицом, разрешила бы снимать его обычным светом — она тут же бы потеряла себя! Когда-то этим верхним светом она поймала за хвост красоту, но если бы на нее выставляли другое освещение - не было бы звезды по имени Марлен. Или Монро, которая вечно искала сложные роли по Достоевскому, но недосягаема именно в простодушном образе. Наверное, я более занимательна именно в «образе» — конечно, он недемократичен из-за всех этих каблуков, уложенных волос, накрашенных губ. Говорят, это немодно - все эти красные губы и стрелки на глазах! Но ведь и я не модель, не надо это путать. Модель всегда одета как все остальные модели -

всегда в тенденции, даже если ей это не идет. Она может быть изуродована в угоду стилисту и модельеру. Актриса никогда не должна одеваться как модель. Она должна иметь свою отдельную «песню». Пускай лучше ей подражают. Великие киношные образы всегда влияли на мир моды, вдохновляли его, но не наоборот.

Есть такая теория: люди стремятся носить то, что шло им в молодости. Вы за собой такого не замечали? Я имею в виду вашу любовь к высоким каблукам. Вы меня спрашиваете, как будто мне девяносто лет, я прошла свой долгий путь и сижу перед вами забальзамированная с при

У меня всегда вызывало восхищение то, как одеваются городские полубезумцы. Как они надевают шапку на шапку, как красятся, тянут свои многочисленные пакеты за собой, перевязанные веревочками

Рената Литвинова:

Что вам кажется некрасивым? Меня ничего не может «оскорбить» в одежде кого-то. Но в окружающей жизни некрасоты слишком много: например, живая молодая, а еще хуже старая собака на цепи, привязанная к будке с грязной миской. Вся эта музыка, которую фальшиво играют на похоронах. Крышки гробов - тоже уродство. Музыка по радио... Знаете, еще эти зеркальные стекла, чуть синеватые, в современных зданиях — как же это некрасиво... Перечислять некрасоту - это неположительные эмоции. Я ничего не могу против этого сделать, разве что только своих собак никогда не привязывать...

А старый пьяница-бомж — это некрасиво? Разве они доживают до старости? За такую свою свободу они же расплачиваются — не живут долго, пьют, болеют, замерзают, кто угодно их может обидеть, даже убить. Они еще более уязвимы, чем мы с вами. С точки зрения стиля у меня всегда вызывало восхищение то, как одеваются городские полубе зумцы. Как они надевают шапку на шапку, как красятся, тянут свои многочисленные пакеты за собой, перевязанные веревочками, - в этом есть такая пронзительность, одиночество, укор всем более успешным, более нормальным людям. Как будто высшие силы выводят их на улицу, гонят их по холодным людным местам, чтобы другие видели еще более беззащитных и неустроенных...

В вашей жизни есть фильм, одна из участниц которого была вами не очень довольна. Я имею в виду «Нет смерти для меня». И вы имеете в виду Татьяну Окуневскую. Я послала ей кассету до показа картины. Она тогда спросила: «Почему такое несправедливое распределение времени между актрисами? Почему так много в картине Мордюковой?» А я ей ответила: «Потому что она — гений. Я не могла ее вырезать. Есть актрисы, а есть гений...» У меня вырвалось, я искренне сказала, но ведь до этого я достаточно долго дружила с Татьяной Кирилловной. Она ожидала от меня большего, хотя я сделала ее участие в картине с большой любовью и пиететом. Если бы я хотела сделать скандал, я бы смонтировала другой фильм, у меня было навалом материала.

После премьеры ходили слухи, что вы снимали, не предупредив ее, и она говорила то, что никогда бы не сказала в камеру. А вы оставили ее слова. Это абсурд. Я развернула монитор ко всем участницам съемок и сказала, что, когда есть изображение работает камера. Татьяна Кирилловна как раз очень долго смотрела на экран, поправляла свет, грим... Со мной так много раз журналисты поступали непо-

рядочно, что я никогда не могла бы позволить себе поступить с ней так же. Другое дело - монтаж картины. Согласитесь, это было мое право как режиссера. Если бы я с кем-то советовалась, это была бы не моя картина. Каждая актриса произнесла свой личный монолог о любви, о смерти, о зависти, о старости... Я «произнесла» своим монтажом свой монолог. Я, конечно, очень страдала, что Окуневская была недовольна, хотя в наш последний с ней разговор я сказала ей: «Зато какая вы красивая на пленке!» Она сказала: «Да, это правда, я очень красива». Совсем недавно я встретила ее внука. Сашу Лепницкого, он мне сказал: «Нам очень понравилась ваша картина, я даже поругался с ней из-за фильма». Общаясь с Окуневской, я всегда ощущала, будто бы я общаюсь с какой-то очень молодой душой, в ней всегда присутствовала ревность, как у молодой девушки, словно я соперница. Но какая я соперница - я всегда была в восхищении ею, в удивлении от нее, я всегда жалела ее. Для меня в жалости нет ничего унизи-тельного, жалость — это половина любви.

А Нонна Мордюкова не была к вам в претензии? Ее участие превратило мою картину «Нет смерти для меня» в событие, в шедевр, настолько она наполнила фильм своим присутствием, своими дикими по мощи текстами о любви. Я знала, что Нонна Викторовна гений, но насколько этот ее потенциал не использован в кино! Когда я проявила материал и посмотрела ее на пленке, у меня мурашки пошли по коже! За всю свою жизнь я не испытала большего волнения. Я думала: как же так - ведь Мордюковой главное не мешать, и она из вашей картины сделает шедевр! Куда же смотрели все режиссеры, как несправедлива жизнь. Когда она в первый раз смотрела картину, я ждала ее звонка и думала: «Как она скажет, так и будет...» Я боялась, она запретит... Она позвонила и сказала: «Не слушайте никого. У вас получилась потрясающая картина». Эти ее такие слова, они создали вокруг меня броню, защиту на любую критику моего фильма. Он мне дался большой кровью. А Нонне Мордюковой все актрисы должны ставить свечки за здравие, потому что она одна своим существованием подчас оправдывает работу не таких успешных и не таких талантливых актрис.

Вы как раз успешная актриса. Почему вы взялись за сценарии? Изначально я как раз сценаристка. Я скорее исполнительница собственных текстов. Актерство — один из способов реализации. Так же и режиссура. Есть еще один путь — писать прозу, книги. Но это уже будет моя третья жизнь в этой жизни.

клеенными ресницами... До того как великий стиль закончился в начале шестидесятых, был Кристиан Диор в пятидесятые, до этого, в тридцатыесороковые, — невероятно элегантные женщины, до этого — ар деко, особенно в Америке, в Голливуде... Самый красивый период в кино, самый красивый свет в кино, великие операторы. Но в семидесятые началось главное уродство. Оно так и не кончилось до сих пор.

Вы можете сформулировать, что такое элегантность? Это то, что мне кажется красивым. Красота— я так люблю это определение. Оно есть часть цели и смысла во всем— и в жизни,

и в творчестве. Элегантность отдельно от красоты для меня неинтересна. Красота — она одушевленна, в ней много сердца, а в элегантности - лишь холод линий. Красота всегда индивидуальна, в ней нет канонов, в ней допустимо безумие, непохожесть ни на кого. Красота всегда Божественна, там Бог. Красивые люди никогда не бывают надменны, они всегла приветливы и теплы. им не жалко улыбнуться, сказать доброе слово, сделать всегдашнее усилие говорить доброжелательным тоном. Но люди чаще идут более легкими путями, впадают в гордыню. Короче, быть красивым, а не просто элегантным, трудно. Это такая большая работа над